

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226

Научная статья / Research paper

Л.С. Гагагова*

РЕСПУБЛИКИ ЮЖНОГО КАВКАЗА НА ПУТИ К «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (1917–1922)

*Федеральное государственное учреждение науки
«Институт российской истории Российской академии наук»
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19*

В преддверии 100-летнего юбилея образования СССР всё больший интерес вызывают сюжеты, проливающие свет на политические, военные, социальные, этнические и прочие факторы, способствовавшие консолидации народов и территорий бывшей Российской империи в рамках большевистского государства. Актуальность этой проблематики объясняется также потребностью в комплексном анализе сложного и противоречивого процесса интеграции Южного Кавказа с Советской Россией. В советской историографии утвердилась своего рода каноническая версия участия закавказских республик в образовании СССР, которая сводилась к ряду идеологически детерминированных постулатов, обеднявших и отчасти искажавших реальную событийную канву этого многосложного процесса. В данной статье автор, опираясь на многочисленные исследования советских, российских и зарубежных ученых и анализ новых источников, последовательно рассматривает основные события в истории государств Южного Кавказа в период, предшествовавший образованию СССР, и отмечает сходства и различия подходов советских и современных историков к указанной теме. К наиболее значимым сюжетам относятся проблема самоопределения народов Южного Кавказа в первые годы после Октябрьской революции, а также влияние международно-политической обстановки на судьбу государств этого региона. Как отмечает автор, борьба мировых держав за сферы влияния затронула и закавказские республики, по-разному отразившись на развитии событий в каждой из них. Отдельное внимание автор уделяет оценкам процесса советизации республик Южного Кавказа. В советской историографии он представлялся как триумфальное шествие советской власти, тогда как, по мнению современных авторов, больше-

* Гагагова Людмила Султановна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (e-mail: lgochshtat@mail.ru).

вики не располагали четким и последовательным планом советизации закавказских республик, а сам процесс сопровождался драматическими событиями и конфликтами — как военными, так и внутривластными. Весьма различаются также оценки образования Закавказской федерации. Советская трактовка проекта объединения подчеркивала его значимость для ликвидации последствий Гражданской войны и прекращения межэтнической розни. Современные исследователи обращают внимание на то, что объединительный процесс был навязан Москвой, согласно некоторым оценкам — навязан насильственно, и расценивают его интеграционный эффект как неоднозначный. В контексте этих дискуссий автор подчеркивает важность беспристрастного и взвешенного подхода к изучению процессов, происходивших в закавказских республиках в первые послеволюционные годы, для получения объективного представления об их роли и степени участия в создании СССР.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Закавказская федерация, Советский Союз, большевики, территориальный вопрос, дашнаки, мусаватисты, меньшевики, кемалисты, советизация.

Для цитирования: Гатагова Л.С. Республики Южного Кавказа на пути к «социалистической федерации» (1917–1922) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 195–226. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226.

Lyudmila S. Gatagova

**THE REPUBLICS OF THE SOUTHERN CAUCASUS
ON THEIR WAY TO THE ‘SOCIALIST FEDERATION’
(1917–1922)**

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19 Dmitry Ulyanov str., Moscow, Russia, 117292*

As we approach the 100th anniversary of the formation of the USSR, political, military, social, ethnic and other determinants of consolidation of the peoples and territories of the former Russian Empire within the Bolshevik state attract an increasing interest of academic community. In particular, special attention is drawn to the complex and controversial process of integration of the South Caucasus with Soviet Russia. Soviet historiography advanced an official view on the role of the Transcaucasian republics in the formation of the USSR, which

came down to a number of ideological clichés that provided an impoverished and partly distorted image of this complex phenomenon. On the basis of a wide range of Soviet, Russian, and foreign researches, as well as recently published primary sources, the author examines the landmark events in the history of the states of the South Caucasus in the period preceding the formation of the USSR. The author highlights both similarities and differences in the views of Soviet and modern historians on the related issues, including the realization of the right to self-determination of the peoples of the South Caucasus in the first years after the October Revolution and the complex impact of international political situation on the regional developments. The author notes that the struggle for spheres of influence between world powers also affected all the Transcaucasian republics, although with different results. The author pays special attention to the process of Sovietization: in the Soviet historiography it was portrayed as a triumphal march of Soviet rule, but, as recent researches has shown, the Bolsheviks actually did not have a clear and consistent plan for the Sovietization of the Transcaucasian republics and the process was accompanied by dramatic events and conflicts. The assessments of the subsequent formation of the Transcaucasian Federation also differ significantly. The Soviet interpretation of this project emphasized its importance for eliminating the consequences of the Civil War and resolving inter-ethnic conflicts. Contemporary historians point to the fact that the unification process was imposed artificially, and even forcefully, according to some assessments, by Moscow, and its unifying effect was rather mixed. In this context, the author emphasizes the need for an impartial and balanced research approach towards the processes that took place in the Transcaucasian republics in the first post-revolutionary years in order to gain a better understanding of their role in the creation of the USSR.

Keywords: South Caucasus, Transcaucasian Federation, Bolsheviks, territorial issue, Dashnaks, Musavatists, Mensheviks, Kemalists, sovietization.

About the author: *Lyudmila S. Gatagova* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (e-mail: lgochshtat@mail.ru).

For citation: Gatagova L.S. 2022. The Republics of the Southern Caucasus on their way to the ‘Socialist federation’ (1917–1922). *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 195–226. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226. (In Russ.)

Военно-политические и социальные процессы, разворачивавшиеся на Южном Кавказе в 1918–1920 гг., подробнеем образом описаны в многочисленных трудах советских историков [см., например:

Качарава, 1955; Хармандарян, 1969; Гулиев, 1972]. Они добросовестно излагали партийную версию событий, которая, однако, серьезно упрощала реальную картину, сводя все противоречия и антагонизмы к противостоянию между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Тем не менее из многих работ можно почерпнуть ценные наблюдения о тактике Совнаркома в отношении независимых республик. Сложнее обстояло дело с изучением территориальных и этнических конфликтов. Так, детально исследовать армяно-азербайджанскую войну 1918–1920 гг. в контексте образования СССР стало возможно лишь в постсоветскую эпоху [Красовицкая, 2021]. В советской историографии еще со сталинских времен утвердилась версия, согласно которой советизация закавказских республик и их последующее объединение раз и навсегда положили конец межэтнической розни. В современных условиях всё возрастающее внимание авторов к истории национально-государственного строительства на Южном Кавказе продиктовано, по мнению К.Р. Амбарцумян, потребностью разобраться в обстоятельствах взлета и падения недолговечных независимых закавказских республик [Амбарцумян, 2017b: 91–92]. Постсоветские историки стремятся прояснить как политические и социальные процессы внутри каждой из них, так и контекст, в котором разворачивались послереволюционные события [Сапаров, 2018]. И контекст этот действительно заслуживает внимания.

Проблема самоопределения народов Южного Кавказа в первые годы после Октябрьской революции

Вскоре после распада Российской империи на Южном Кавказе было объявлено об учреждении Закавказской федерации (Закавказской демократической федеративной республики) [Пайпс, 2005: 52]. Насколько это событие отвечало массовым народным устремлениям, сказать трудно. Очевидно лишь то, что оно не устраивало большевиков и пробольшевиcтски настроенные группы населения. В одном из первых опубликованных сборников документов, изданном после окончания Второй мировой войны, был представлен обширный материал, иллюстрирующий позицию РКП(б) и ее региональных органов. Документы, в частности, сообщают о решительном протесте, который выразил Бакинский совет рабочих и солдатских депутатов против постановления Закавказского сейма, «принятого под давлением мусульманских контрреволюционных беков и ханов,

заседающих в сейме»¹. Бакинский пролетариат на тот момент был, пожалуй, единственной реальной социальной опорой большевиков на Южном Кавказе.

Впрочем, Закавказской федерации довелось просуществовать совсем недолго (с 10 февраля по 26 мая 1918 г.). Это искусственное образование было изначально обречено, прежде всего в силу острых противоречий между соседними народами, обусловленных этническими, конфессиональными, языковыми, социальными, культурными и прочими различиями. Вследствие исторически сложившегося чересполосного расселения разнородных этнических и субэтнических групп во многих местностях Южного Кавказа сохранялся высокий уровень конфликтности. В рамках единой Российской империи территориальные притязания и земельные споры не имели столь принципиального значения, какое они приобрели после ее распада, когда были провозглашены три независимые республики с невнятными границами. Каждая из них имела представление о собственных пределах, отличное от мнения соседей. И для каждой вопросом первостепенной важности было заключение договоров о делимитации границ с сопредельными странами. Однако именно эта проблема стала камнем преткновения между тремя республиками и повлекла за собой череду драматических событий.

Для того чтобы понять, насколько запутанным и практически неразрешимым оказался территориальный вопрос в регионе, достаточно только перечислить спорные моменты: Азербайджан и Армения не могли поделить Нагорный Карабах, Зангезурский, Нахичеванский, Шаруро-Даралагезский уезды; Грузия и Армения спорили по поводу Борчалинского уезда, Лори и Ахалкалаки; Азербайджан и Грузия оспаривали принадлежность Закатальского округа, Сигнахского и Борчалинского уездов. Ко всему прочему, на часть уездов бывших Эриванской и Тифлисской губерний претендовала Турция, в то время как Армения считала их своими. Яблоком раздора между Турцией и Грузией стал порт Батум. Следом за Турцией права на некоторые территории Армении и Азербайджана пыталась предъявлять и Персия.

Территориальные споры 1918–1920 гг., по утверждению постсоветского исследователя С. Румянцева, в равной степени волновали

¹ Образование СССР: Сборник документов. 1917–1924 // Под ред. Э.Б. Генкиной. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 86.

как местные элиты, примкнувшие к коммунистам, так и «буржуазных националистов» (мусаватистов в Азербайджане, дашнаков в Армении и меньшевиков в Грузии) [Румянцев, 2011]. После развала империи и возникшего хаоса безвластия подспудно тлевшие антагонизмы, в частности наиболее острый из них — армяно-азербайджанский, вспыхнули с новой силой.

Неблагоприятное для Закавказской федерации развитие событий Первой мировой войны и наступление турецкой армии на Восточную Армению в мае 1918 г. привели к ее распаду. Как справедливо отметил российский социолог А. Вишневский, провозгласить самостоятельность и независимость многих частей империи оказалось легче, чем их сохранить. В большинстве случаев, по мнению ученого, у региональных элит не нашлось ни необходимой силы, ни социальной опоры для отстаивания своей самостоятельности, а возможно, полагал он, «и их стремление к этому было не столь сильным и определенным» [Вишневский, 1998: 333].

В намерения В.И. Ленина и его соратников с их масштабными планами экспорта революции отделение Закавказья никак не входило [Амбарцумян, 2019а: 13]². Однако в 1918 г. они не могли вмешиваться в бурные события на южных окраинах бывшей империи [Муханов, 2014: 175]. Не имея возможности действовать военно-политическими средствами, большевики развернули работу по укреплению местных партийных ячеек и агитации в массах. Их рупором служил региональный руководящий орган — Кавказский краевой комитет РКП(б).

Москва занимала нейтральную и внешне благожелательную позицию в отношении новообразованных Республики Армения, Азербайджанской Демократической Республики и Демократической Республики Грузия. Суть тогдашней тактики достаточно красноречиво иллюстрирует высказывание И.В. Сталина в интервью «Правде» от 3 и 4 апреля 1918 г., в котором он затронул тему окраин бывшей империи: «Области эти составляют не свободные и независимые территории, а насильственно втиснутые в общероссийский политический организм единицы, которые стремятся теперь получить необходимую свободу действий в виде федеративных отношений или полной независимости»³. В первые месяцы после революции

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 385–390; Там же. Т. 35. С. 53–61.

³ Образование СССР... С. 43.

большевистские лидеры не скупилась на выражение солидарности с обретавшими независимость народами.

Российский востоковед Е. Рашковский, анализируя общую картину политического противоборства первых послереволюционных лет, писал, что если Белое движение выступало под якобинским, по сути, лозунгом «единой и неделимой России», а национальные движения склонялись к идеям этнотерриториального сепаратизма, то большевики нащупали некий особый путь. Привлекательность его для широких масс с их противоречивыми политическими и социальными устремлениями автор увидел в сочетании несочетаемого: идей «мировой революции», «пролетарского интернационализма» и «права наций на самоопределение» [Рашковский, 2002: 175]. Массированная пропаганда большевистских идей, оказавшихся, как впоследствии выяснилось, более заманчивыми для населения бывшей империи, чем программы других партий, подкреплялась тактикой закулисных игр, умением лавировать, заигрывать с этнонациональными элитами, сталкивать противоборствующие стороны между собой. Нельзя не признать, что подобная политика в конечном счете принесла В.И. Ленину и его соратникам крупные дивиденды. Впрочем, непосредственно после 1917 г. им еще только предстояло развернуть борьбу за политическое влияние на территории бывшей империи.

Советский автор В.Н. Мерквиладзе отмечал, что одним из вопросов, вызывавших повышенный интерес В.И. Ленина, были международные контакты независимых республик [Мерквиладзе, 1969: 273]. Однако, отслеживая ход событий в регионе, В.И. Ленин предпочитал действовать в отношении Закавказья крайне осторожно, не нарушая сложившуюся там расстановку сил. Особенно его беспокоила меньшевистская Грузия, где РКП(б) практически полностью утратила инициативу. Но попытки явного вмешательства в дела независимой республики могли навредить имиджу РСФСР на международной арене, где грузинское меньшевистское правительство во главе с Н. Жорданием достаточно прочно утвердилось. О настроениях грузинской политической элиты можно судить по высказываниям Н. Жордании, прозвучавшим в его выступлении в Учредительном собрании 14 января 1920 г.: «Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз против Деникина. Мы ей отрез отказали в этом <...>. Что означает этот союз? Он означает то, что мы должны были порвать связь с Европой, как это сделали они, и обратить свои взоры к Востоку, где ищут они новых союзников.

Запад и Восток — вот вопрос, который поставлен перед нами, и здесь колебания невозможны <...>. Как видите, пути Грузии и России здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России — в Азию. Знаю, враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я здесь должен решительно заявить: предпочту империалистов Запада фанатикам Востока» [цит. по: Мерквиладзе, 1969: 80]. Заявление лидера меньшевиков не оставляло сомнений относительно актуальных политических предпочтений грузинских властей.

Что же касается В.И. Ленина и его ближайших соратников, то если в 1918 г. они не спешили выказывать свое истинное отношение к теме самоопределения наций, то спустя три года всё изменилось: политические позиции большевиков на территории бывшей империи значительно укрепились. Выступая 19 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) с докладом «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», И.В. Сталин обрушился с критикой на статью наркома иностранных дел Г.В. Чичерина «Против тезисов тов. Сталина», упрекая его в том, что он слишком много говорит о национальном самоопределении. И.В. Сталин напомнил Г.В. Чичерину, что с этим «пустым лозунгом» партия распростилась еще два года назад⁴, и заявил, что больше не считает нужным придерживаться лозунга самоопределения наций, который отстаивал не так давно. Подтверждением изменившейся позиции стала резолюция, принятая 15 марта 1921 г. на X съезде РКП(б). Она гласила: «Изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны <...> повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик...»⁵.

В орбите внешнеполитических реалий

Согласно закрепившейся среди исследователей точке зрения доминирующим фактором, который помог большевикам утвердить свое влияние на Южном Кавказе, был дипломатический. Американский историк Р. Пайпс писал, что российско-турецкое сотрудничество поставило независимость республик под удар; незаинтересованность союзных государств положила ей конец [Пайпс, 2005: 71].

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же. С. 221.

Международный аспект темы национально-государственного строительства на окраинах бывшей империи в последние годы привлекает повышенное внимание исследователей [Амбарцумян, 2017b: 91]. Когда Южный Кавказ распался на три независимые республики, у каждой из них появились свои внешнеполитические ориентиры. Азербайджан тяготел к близкородственной Турции, Армения искала покровительства у Антанты, Грузия — у Германии. В апреле 1918 г. Берлин заключил с Анкарой в Константинополе секретное соглашение о разделе сфер влияния в Закавказье. Исследователи считают, что германское правительство отводило особую роль Грузинской Демократической Республике, которая должна была стать доминирующей силой в регионе и представлять интересы Берлина [Тамазов, Пазов, 2016: 236]. В мае в Грузию прибыл эшелон с немецкими отрядами. Турецкие войска, оккупировав согласно условиям Брестского мира Батум, Карс и Ардаган, летом вошли в Азербайджан. После поражения Османской империи в Первой мировой войне и заключения 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия (между странами Антанты и Турцией) они были выведены из республики. На смену туркам на Южный Кавказ пришли британцы, представлявшие объединенные силы союзников (октябрь 1918 г. — август 1919 г.).

Правительство Великобритании направило на Южный Кавказ своего специального представителя для ознакомления с текущей ситуацией и выработки политической позиции в отношении этого стратегически важного региона. Его дальнейшая судьба, по замыслу стран-победительниц, должна была решаться на Парижской мирной конференции.

Представители союзнических сил столкнулись на Южном Кавказе с множеством проблем, среди которых наиболее острыми были взаимные территориальные претензии закавказских республик. 14 марта 1919 г. бригадный генерал В. Бич сообщил представителям Грузии и Армении Н.Н. Жордани и О. Качазуну о намерении определить «временные демаркационные линии в Закавказье» силами комитета, возглавляемого военным губернатором Баку У.М. Томсоном. Окончательное решение комитет оставлял за мирной конференцией. Однако эти действия британского командования, как установили историки, не были санкционированы правительством Великобритании [Архипова, 2016: 222]. Попытка же покончить с пограничными спорами таким способом в итоге провалилась, что

привело к потере британцами кредита доверия со стороны местных политических кругов.

Британские войска покинули Южный Кавказ лишь в связи с обострением англо-американских противоречий по поводу распределения сил в регионе и получения Соединенными Штатами Америки мандата на управление Арменией и Стамбулом [Архипова, 2016: 217]. В итоге Антанты не смогла или не захотела заполнить «вакуум имперской власти» в Закавказском регионе [Гачечиладзе, 2012: 166].

Тем не менее военно-политическая активность стран Антанты здесь расценивалась большевиками как прямое вмешательство в жизнь независимых республик. Большевики, будучи не в состоянии удерживать Южный Кавказ военно-политическими средствами, решили сделать ставку на дипломатические методы. Они, в частности, прикладывали усилия к тому, чтобы сдерживать германское влияние в Грузии, ведя переговоры с Берлином. И.В. Сталин заявлял: «Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать» [цит. по: Амбарцумян, 2019а: 10]. Турки, вынужденные покинуть Азербайджан, отнюдь не отказывались от своих притязаний, пытались любыми способами сохранить влияние в республике. Примечательно, что спустя три месяца после Съезда народов Востока в Баку (26 декабря 1920 г.) начальник особой группы Регистрационного управления при Революционном военном совете республики (военная разведка) в докладной записке, касавшейся Анатолийской Турции, сообщал, что на бакинский съезд были посланы «лица со специальными заданиями». Он утверждал, что «под видом депутатов много военных шпионов разъехались после съезда по Кавказу»⁶.

В 1920 г. большевики поддержали развернувшееся в Турции движение Мустафы Кемалю за независимость. В советской историографии оно преподносилось как национально-освободительное, а сотрудничество РКП(б) с кемалистами рассматривалось преимущественно с идеологических позиций. Однако, как представляется, союз с М. Кемалем был продиктован в первую очередь прагматическими соображениями. Все остальные факторы, в частности перспективы мировой революции, играли третью степенную роль.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5750. Л. 8.

Это был ситуативный выбор, сделанный с учетом сложившейся внешнеполитической обстановки. В.И. Ленин нуждался в союзниках в условиях возникшей международной изоляции и надеялся при помощи турок вытеснить Антанту из Южного Кавказа.

В то же время у Москвы возникали сомнения по поводу надежности ее нового партнера. «Можно ли считать, что кемалисты пока еще не отошли от нас к Антанте...» — вопрошал И.В. Сталин в телеграмме, направленной представителю ЦК в Закавказье Г.К. Орджоникидзе в декабре 1920 г.⁷ Действительно, страны Антанты отнюдь не были заинтересованы в сближении М. Кемалья с В.И. Лениным. Великобритания, пригласив кемалистов на Лондонскую конференцию в феврале 1921 г. (созванную для выработки мирных договоров и решения проблем Турции и Ближнего Востока), попыталась вовлечь их в антиросийскую коалицию. Однако советское правительство предпочитало не вступать в конфронтацию с Великобританией, чтобы не давать лишнего повода для претензий с ее стороны в расчете на восстановление российско-британских торговых отношений и выход из дипломатической изоляции [Амбарцумян, 2019b: 95].

Опасаясь сближения Анкары со странами Антанты, Москва при подписании договора о «дружбе и братстве» 16 марта 1921 г. пошла на серьезные уступки турецкой стороне, передав ей ряд бывших имперских территорий (Карс, Ардаган, Артвин). Внешне большевистская Россия и кемалистская Турция налаживали взаимодействие, однако подспудно между ними шло соперничество [Амбарцумян, 2017a], продиктованное не только имперскими амбициями, но и стремлением укрепить собственные государства, уберечь их от распада [Амбарцумян, 2018: 176]. Несмотря на соперничество, большевики связывали защиту своих интересов на Южном Кавказе с кемалистами. 16 марта 1922 г., в сложный для М. Кемалья момент военного противостояния с греческими войсками, поддерживаемыми Антантой, посол Советской России в Анкаре С.И. Аралов писал в Народный комиссариат иностранных дел: «Если турки будут разбиты, Анатолией овладеет Запад и все наши труды пропадут. Политически настолько серьезный момент, что вопрос о помощи должен быть рассмотрен с общеполитического будущего нашего влияния и закрепления нашего влияния в Малой Азии. Уничтожение Анатолийского правительства повлечет за собой создание новой

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

опасности на Кавказе»⁸. В советской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой страны Антанты планировали после расчленения Турции «активизировать вооруженную интервенцию на Юге России» [Алиева, 2020: 64].

Внешнеполитические интересы советского правительства на Востоке не исчерпывались Южным Кавказом и налаживанием сотрудничества с турками. Они простирались и дальше, в сторону Персии. Но поддержка Советской Россией движения Мирзы Кучук-хана в Северной Персии (диктуемая в том числе стремлением расшатать позиции Великобритании в этом регионе) не принесла желаемых результатов, поскольку разногласия между их устремлениями и политическими целями М. Кучук-хана оказались непреодолимыми [Баберовски, 2010: 241].

В этом сложном, противоречивом контексте разворачивались процессы советизации закавказских республик.

Советизация Южного Кавказа

Термин «советизация», рожденный в среде большевистской элиты, наиболее точно отражает суть явления, утвердившегося в советской историографии под определением «триумфальное шествие советской власти» [Квашонкин, 1997: 163].

По мнению современных авторов, большевики не располагали четким и последовательным планом советизации закавказских республик, скорее они действовали в регионе ситуативно, исходя из конкретных обстоятельств. Немецкий историк Й. Баберовски утверждал, что установление контроля над Азербайджаном, Грузией и Арменией совершалось скорее спонтанно и было обусловлено инициативами Закавказского краевого комитета (Заккрайком) РКП(б) и его первого секретаря Г.К. Орджоникидзе [Баберовски, 2010: 209].

Начало масштабной военно-политической кампании по установлению советской власти на Южном Кавказе датируется мартом 1920 г. Для реализации задач советизации решением ЦК РКП(б) в апреле было создано Кавказское бюро (Кавбюро) — орган полномочного представительства партии в регионе во главе с Г.К. Орджоникидзе. Нефтеносный Азербайджан представлял для РСФСР наибольшую ценность. К тому же мусаватистское правительство республики, по оперативным данным, выглядело наиболее уязвимым по сравнению

⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 260. Л. 7.

с дашнакской Арменией и меньшевистской Грузией. Здесь также не обошлось без привлечения внешнеполитического фактора. Речь идет о договоренности с М. Кемалем, потребовавшим от мусаватистов пропустить войска Советской России к своим границам для защиты турок от британского вторжения. Действуя в тесной связи с военным командованием и заручившись поддержкой кемалистов, Кавбюро разработало план операции против азербайджанских мусаватистов. 27 апреля их правительству был предъявлен ультиматум от ЦК КП Азербайджана с требованием передать власть.

Вступление 11-й армии в Азербайджан и свержение правительства АДР не вызвали ожесточенного сопротивления и массовых антисоветских выступлений [Муханов, 2014: 175]. Современные исследователи объясняют это тем, что местные пантюркисты и панисламисты восприняли приход Красной армии как часть борьбы народов Востока, борьбы мусульман с западными колонизаторами [Веселов, 2021].

28 апреля 1920 г. Реввоенсовет 11-й армии направил В.И. Ленину телеграмму: «Многочисленные запасы нефти отныне вырваны из рук международной буржуазии и стали достоянием пролетариата»⁹. Г.К. Орджоникидзе настаивал на продолжении кампании в Армении, но из центра последовало распоряжение свернуть наступление: В.И. Ленин счел продолжение военной операции преждевременным.

7 мая Москва подписала с Грузией договор, по которому признавала ее независимость. По мнению французского историка Н. Верта, этот шаг был продиктован временно неблагоприятным международным положением «для центральной большевистской власти, ведущей войну с Польшей» [Верт, 1998: 73]. РСФСР обещала не вмешиваться во внутренние дела республики, в свою очередь Грузия брала на себя обязательства вывести иностранные войска со своей территории и не преследовать местных коммунистов.

Практически параллельно с дипломатической деятельностью в недрах ЦК РКП(б) обсуждались перспективы советизации Грузии. В этом смысле примечательно высказывание И.В. Сталина в письме Г.К. Орджоникидзе: «...обстановка такова, что сейчас торопиться с Грузией в смысле превращения ее в Советскую мы не [должны], всё равно через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской...» [цит. по: Муханов, 2014: 178]. В.И. Ленин занимал в отношении Грузии выжидательную позицию и надеялся

⁹ Образование СССР... С. 155.

избежать открытых насильственных действий, рассчитывая на достижение компромисса с меньшевистским правительством республики.

Спустя месяц Советская Россия подписала договор и с Арменией, по которому ее границы признавались в пределах бывшей Эриванской губернии. Позиции республики к тому моменту серьезно ослабли вследствие оккупации ею части восточной Анатолии, обернувшейся обострением отношений с новым турецким национальным правительством М. Кемалю. Положение еще более осложнилось из-за нарастания социальных проблем, вызванных массовым наплывом беженцев из турецкой Армении и Азербайджана. В этих обстоятельствах дашнакское правительство пыталось лавировать между противоборствующими политическими силами: заключив договор с РСФСР, оно одновременно послало в Тифлис А. Хатисяна для переговоров с представителями союзных держав [Агаян, 1962: 293].

После заключения Севрского договора (между странами Антанты и Османской империей) турецкие войска вторглись в восточную Анатолию: 24 сентября 1920 г. вспыхнула армяно-турецкая война. Подробное освещение локальных закавказских конфликтов, не получивших должного отражения в советской историографии, следует поставить в заслугу российским исследователям, активно привлекающим новые архивные материалы [Муханов, 2014, 2019].

Москва предложила армянскому правительству свои услуги посредника для урегулирования взаимоотношений с Турцией, но дашнаки, не уверенные в том, что большевики смогут удержаться в Закавказье, предпочли действовать самостоятельно. 30 ноября И.В. Сталин после обсуждения с В.И. Лениным, Л.Д. Троцким и Л.Б. Каменевым сложившейся ситуации послал находившимся в Баку Г.К. Орджоникидзе и П.Г. Мдивани телеграмму с указаниями: «Драться с кемалистами из-за Карса не следует, но прямо уступать им во всем тоже нельзя, необходимо выговорить у кемалистов Александрополь для Армении, которая становится советской. Если отклонение посредничества исключает наше участие в мирных переговорах между Арменией и Турцией, то нужно напомнить как туркам, так и армянам, что в таком случае вопрос о Зангезуре и Нахичеванском уезде не может быть предметом обсуждения армяно-турецкой конференции, так как обе эти области являются спорными между Арменией и Азербайджаном, в союзе с которым состоит Россия»¹⁰.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

2 декабря 1920 г. правительство Армении было вынуждено подписать в Александрополе мирный договор, по сути, лишивший республику суверенитета. В этих обстоятельствах Москва, опасавшаяся окончательной потери Армении, перешла к активным действиям. Повод для начала такой операции дали сами армянские лидеры [Муханов, 2017: 95]. 29 ноября Г.К. Орджоникидзе и его сторонникам удалось поднять восстание в северных районах республики при помощи 11-й армии и сформированного внутри нее Армянского полка. Движение российских войск не вызвало протестов со стороны населения, всерьез напуганного турецкой угрозой и недовольного действиями правительства. После отставки последнего власть перешла к временному Ревкому. Как отмечают исследователи, союзничество Русской и Турецкой революций было обеспечено ценой западной части российской Армении (отторжение Карса и Ардагана в 1921 г.), что трагически сказалось на судьбах сотен тысяч людей — армян, грузин, молокан, духоборов [Рашковский, 2002].

Так или иначе, к исходу 1920 г. позиции большевиков на Южном Кавказе значительно укрепились. Этому во многом способствовало понимание того, что западные державы свернули военно-политическую активность в регионе. Грузия оказалась зажатой в тиски между советскими республиками и Турцией [Амбарцумян, 2021: 128]. Однако попытки Г.К. Орджоникидзе форсировать события наступлением на Грузию в декабре были жестко пресечены В.И. Лениным, вынужденным учитывать не только внутренние обстоятельства, но и внешнеполитический фактор.

Активизацию действий советского руководства в отношении Грузии вызвала новость о признании республики де-юре странами Антанты. В январе 1921 г. члены Политбюро РКП(б) собрались для обсуждения вопроса о нарушении Грузией условий двустороннего договора. И.В. Сталин, сторонник жесткой линии на Южном Кавказе, предлагал В.И. Ленину и Г.В. Чичерину свой вариант разрешения грузинской проблемы: «По-моему, одна из лучших комбинаций — успешная война Турции с Грузией, которая даст России возможность вмешаться в качестве посредницы и избавительницы...» [цит. по: Муханов, 2014: 191].

В.И. Ленин и его соратники отдавали себе отчет в том, что рассчитывать на внутреннее восстание в Грузии не приходится — слишком сильны были позиции меньшевистского правительства во главе с Н. Жорданией. Несмотря на опасения перед возможным

вмешательством западных держав, 14 февраля 1921 г. Политбюро всё же дало разрешение 11-й армии выступить в поддержку восстания, организованного силами Кавбюро в Борчалинском и Ахалкалакском уездах. Вступив на территорию Грузии 15 февраля, уже спустя 10 дней армия была в Тифлисе. По мнению исследователей, просчет меньшевистского правительства Грузии заключался в чрезмерной ориентации на Лигу Наций, в то время как ситуацию на Южном Кавказе определяли Советская Россия и кемалистская Турция [Амбарцумян, 2019b: 99]. Внешнее вмешательство в события ограничилось обстрелом наступавших советских частей французскими кораблями.

16 марта власть в Грузии перешла к Ревкому. Практически сразу же обострился вопрос о принадлежности Батума. Объявление его турецким вызвало у грузинского населения мощный национально-освободительный порыв, охвативший всех независимо от их политических взглядов. Для грузин оказалось неважно, в какой — меньшевистской или большевистской — Грузии он будет находиться. В итоге Батум удалось отстоять благодаря «причудливому союзу» остатков грузинской армии и коммунистов [Муханов, 2014: 223]. Этот, казалось бы, частный сюжет вновь высветил весьма существенный момент — чрезвычайную чувствительность народов Южного Кавказа по отношению к территориальному вопросу. Использование этого фактора в качестве инструмента борьбы за влияние в регионе стало одним из залогов победы большевиков. Современные исследователи отмечают также, что не последнюю роль сыграли и личные амбиции группы выходцев с Кавказа внутри руководства большевистской партии, которые стремились к власти. Наряду с другими факторами это предопределило судьбу Азербайджана, Армении и Грузии [Квашонкин, 1997: 164].

Закавказский федеративный союз

Советские исследователи описывали сюжет об образовании федеративного союза закавказских республик как один из этапов подготовки к провозглашению СССР [Качарава, 1955; Хармандарян, 1969; Гулиев, 1972]. В общих чертах этот сюжет в работах советских историков выглядел следующим образом: идея слияния трех республик принадлежала В.И. Ленину, обосновывавшему ее необходимостью военно-политического и экономического объединения для ликвидации последствий Гражданской войны, борьбы с националистическими и контрреволюционными силами и пре-

кращения межэтнической розни; процессу объединения пытались, но не смогли воспрепятствовать грузинские национал-уклонисты.

В позднесоветские годы сюжет о непростых, мягко говоря, взаимоотношениях закавказских народов отошел на задний план. Проблема заключалась в том, что излишний интерес к теме, «порочащей» пресловутую дружбу народов, в эпоху формирования новой исторической общности не приветствовался.

С.И. Якубовская, а вслед за ней и другие советские исследователи темы представляли объединение республик результатом волеизъявления трудящихся и подвергали критике грузинских «национал-уклонистов» за стремление ликвидировать Закавказскую федерацию, особо подчеркивая заслуги вождя пролетарской революции в создании федеративного союза на Южном Кавказе [Якубовская, 1972: 24]. Противоположной позиции придерживается Й. Баберовски, считающий объединение закавказских республик в федерацию насильственной акцией [Баберовски, 2010: 240]. Автор одной из последних монографий, посвященных образованию СССР, В.Я. Гросул, подробно проанализировав объединительный процесс, признал его навязанным сверху Москвой и Кавбюро, «являвшимся орудием центра против национальных коммунистических партий» [Гросул, 2007: 93]. Наличие столь разных оценок заставляет присмотреться к образованию Закавказской федерации подробнее.

П.А. Азизбекова в монографии, вышедшей к 40-летию образования СССР, писала, что уже 21 декабря 1920 г. В.И. Ленин в записке в Управление делами Совнаркома просил «дорисовать на территориальной карте РСФСР ряд национальных республик и районов страны. При этом в предлагаемом списке он выделил в одну группу Грузию, Азербайджан, Армению». Спустя год он уже именовал их «Кавказской республикой» [Азизбекова, 1962: 269].

О потенциальной выгоде объединения республик задумывался не только В.И. Ленин. 1 марта 1921 г. чрезвычайный и полномочный представитель Азербайджана в РСФСР Б. Шахтахтинский в письме вождю заявил, что «для создания национального мира в Закавказье, разрешения всех спорных вопросов в отношении территорий, пастбищ и пр. наиболее приемлемым и целесообразным являлось бы объединение Азербайджанской, Грузинской и Армянской республик»¹¹. Для В.И. Ленина этот шаг означал серьезное продвижение по пути

¹¹ Образование СССР... С. 277.

консолидации народов и территорий в рамках большевистского государства. В письме от 14 апреля 1921 г. он внушал кавказским коммунистам: «...как ни важен национальный мир, <...> еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть»¹².

Поскольку грузинская Компартия (КП), точнее, ее часть считалась слабым звеном в проекте объединения республик, В.И. Ленин настаивал на проведении кропотливой разъяснительной работы в Грузии. В свою очередь И.В. Сталин, выступая 6 июля 1921 г. на собрании тифлисской организации КП республики, заявил о невозможности ее изолированного существования, напомним о военной опасности, потребности в «русском хлебе», нефтяных продуктах Азербайджана и покрытии дефицита бюджета. Он также коснулся остроты национального вопроса в связи со сложным этническим составом Грузии¹³. Образование федерации закавказских республик руководители РКП(б) ставили в прямую зависимость от урегулирования национального вопроса (отсылки к «татарско-армянской резне», территориальным войнам в бытность у власти мусаватистов, дашнаков и меньшевиков и т.д.).

Несмотря на столь веские аргументы в пользу федерации, П.Г. Мдивани, Ф.И. Махарадзе, М.Д. Орахелашвили и другие грузинские партийные функционеры выступили против, утверждая, что объединение грозит массовым недовольством в Грузии и даже восстанием. Азербайджанцы Р. Ахундов и М.Д. Гусейнов сочли идею преждевременной. В.Я. Гросул отмечал, что члены грузинских партий обвиняли местных большевиков в отсутствии патриотизма, продаже интересов родины «московским оккупантам» и открыто говорили о ликвидации независимости Грузии из-за предательства тех же большевиков [Гросул, 2007: 99].

Тем не менее, несмотря на протесты грузинских коллег, 3 ноября 1921 г. объединенный Пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) принял решение о заключении федеративного союза. Подготовленный В.И. Лениным 28 ноября «Проект предложения об образовании федерации закавказских республик» на следующий день был утвержден на заседании Политбюро (пункт 6)¹⁴. В.И. Ленин считал необходимым развернуть пропаганду среди населения и провести

¹² Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сборник документов / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв. М.: Наука, 1972. С. 195–196.

¹³ Образование СССР... С. 277.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 237.

решение через Съезды Советов. Первой из республик это решение официально одобрил в начале 1922 г. Азербайджан на IV Съезде КП [Азизбекова, 1962: 271, 273]. Г.К. Орджоникидзе, выступая на I Съезде КП Грузии 30 января 1922 г., заявил по поводу республик: «Антанта хотела создать из них Балканы, а мы создаем братскую семью трудящихся народов, спаянных единством интересов»¹⁵.

Договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ) был утвержден 12 марта 1922 г. на конференции в Тифлисе с участием представителей ЦИК трех республик. В ведение Союза перешли внешние сношения, оборона, финансы, внешняя торговля, транспорт и экономика. Ряд дополнительных договоров, подписанных в последующие недели, должны были включить Федеративный Союз в экономику РСФСР и уполномочить последнюю представлять кавказские республики на международной арене. Что касалось межэтнической розни, которую ранние исследователи данной темы признавали одним из важнейших факторов в контексте закавказских проблем, то советская историография была категорична: «Вековая вражда между Арменией и окружающими ее мусульманами решилась одним ударом, путем установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана» [Гуковский, 1940: 13]. 22 августа 1922 г. последовало распоряжение Закавказской чрезвычайной комиссии, согласно которому все внутренние границы объявлялись свободными, а внешними стали считаться границы с Турцией и Персией [Мустафаева, 2010: 238].

Авторы документальной публикации в журнале «Отечественная история» назвали лето 1922 г. переломным моментом в сюжете объединения республик. Линия на «сохранение партийного единовластия» обернулась судебными процессами над партиями эсеров и меньшевиков, высылками, репрессиями в отношении членов ЦК КП Грузии [На пути к «социалистическому унитаризму»..., 1992: 89].

18 ноября 1922 г. И.В. Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» заявил, что инициатива движения за объединение независимых республик принадлежала самим республикам¹⁶. Это высказывание будущего вождя народов обрело, подобно многим другим его словам, статус аксиомы и прочно закрепилось в советской историографии.

¹⁵ Образование СССР... С. 287.

¹⁶ Там же. С. 238.

«Грузинский инцидент»

По мнению И.В. Сталина, за четыре года Гражданской войны либерализм в национальном вопросе, демонстрируемый Москвой, привел к тому, что появилась какая-то часть коммунистов, требовавших чрезмерной независимости. Он считал, что национальная стихия на окраинах работает не в пользу единства республик [Гросул, 2007: 76]. В монографии В.Я. Гросула подробно описан конфликт между Закавказским крайкомом, возглавляемым Г.К. Орджоникидзе, и группой П.Г. Мдивани, составлявшей большинство в ЦК КП(б) Грузии. Суть противостояния, как известно, заключалась в том, что П.Г. Мдивани и его сторонники требовали вхождения Грузии в СССР не через Закавказскую федерацию, а самостоятельно, т.е. на тех же основаниях, что Украина и Белоруссия. В телеграмме, направленной вождю, грузинские коммунисты настаивали на пересмотре положения о Закавказской федерации [Гросул, 2007: 93–97].

Острый спор с взаимными обвинениями в нарушении партийной дисциплины, с одной стороны, и предательстве национальных интересов — с другой вылился в скандал, сопровождавшийся непарламентскими методами убеждения. Финляндский исследователь Д. Смит, анализирувавший «грузинский инцидент», сосредоточился на теме раскола внутри национальных партийных организаций, подчеркнув вслед за другими авторами, что наиболее серьезные внутривнутрипартийные конфликты происходили между ЦК КП Грузии, возглавляемым Ф.И. Махарадзе и П.Г. Мдивани, и Кавбюро РКП(б), руководимым Г.К. Орджоникидзе. В этой связи Д. Смит обратил внимание на личностные особенности главных действующих лиц. Есть основания полагать, утверждал он, что в раннесоветский период отдельные функционеры оказывали «непропорционально значительное влияние» на ход событий по сравнению с другими периодами советской истории [Smith, 1998: 521].

Возмущившись грубым поведением И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе, В.И. Ленин написал большое письмо грузинским коммунистам, в котором объявлял войну великорусскому шовинизму (примечательно, что его носителями оказались) этнические грузины. По мнению В.Я. Гросула, В.И. Ленин видел в «великорусском шовинизме» угрозу, поскольку опасался, что население республик почувствует себя обманутым, и «всячески сдерживал порывы тогдашних сверхцентрализаторов» [Гросул, 2007: 92].

П.Г. Мдивани и А.С. Сванидзе полагали, что компетенция союзных органов должна формироваться самими республиками путем делегирования ими части своих полномочий союзным органам. Иной подход — наделение республик властными полномочиями сверху вниз, от союзных к республиканским органам — был для них неприемлем. П.Г. Мдивани настаивал на том, что «носителем суверенитета является только каждая из этих республик в пределах своей территории, а выразителями ее прав верховенства — лишь ее высшие органы» [На пути к «социалистическому унитаризму».., 1992: 90].

Попытка отстаивания собственного мнения впоследствии чрезвычайно дорого обошлась грузинским коммунистам, обвиненным в предательстве интересов РКП(б). «Выступая против национальной политики партии, национал-уклонисты, — писал один из авторов сталинского призыва, — скатывались на позиции грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов. В борьбе против создания Закавказской федерации грузинские национал-уклонисты опирались на поддержку троцкистского шпиона Буду Мдивани» [Багдасаров, 1952].

Тем не менее одним из последствий конфликта с грузинскими коммунистами, по мнению Д. Смита, стало предоставление республикам больших прав, чем это первоначально предусматривалось в плане будущего Союза [Smith, 1998: 544].

На пути к консолидации

Заключительный этап подготовки к провозглашению СССР всесторонне исследован советскими историками, как, впрочем, и участие в этом процессе закавказских республик. Анализируя политические, экономические, социокультурные факторы, подталкивавшие их к объединению, авторы непременно подчеркивали, что при вступлении в состав СССР закавказские республики не приравнивались к автономиям, а были полноправными субъектами, т.е. федеративными государствами, и что общесоюзный договор подписывали представители не только ФСССРЗ, но и каждой республики [Мерквиладзе, 1969: 388–389].

Дальнейший ход событий многократно описан. В состав Комиссии Пленума ЦК РКП(б), учрежденной в августе 1922 г. для выработки предложений о взаимоотношениях республик, от Южного Кавказа вошли А.Ф. Мясников, С.А. Агамалы-оглы, П.Г. Мдивани

и глава Заккрайкома Г.К. Орджоникидзе. Проект И.В. Сталина с предложением включить республики в РСФСР на правах автономий получил одобрение Заккрайкома, а также Армении и Азербайджана. Представитель Грузии выразил несогласие. Преждевременным сочли план объединения участники Пленума ЦК Грузии, состоявшегося 15 сентября 1922 г. [Мерквиладзе, 1969: 353]. Несмотря на это, 23 сентября Комиссия под председательством В.М. Молотова приняла сталинский проект за основу.

Однако В.И. Ленин, как известно, отверг этот проект и предложил свой вариант вхождения республик в Союз на федеративных началах. Формулировка И.В. Сталина была заменена другой — об объединении с РСФСР¹⁷. В советской историографии было принято критически относиться к сталинскому плану автономизации. Сегодня встречаются и другие точки зрения, во многом отражающие мировоззренческие позиции исследователей. Кто-то из аналитиков именно в выборе в пользу ленинского федеративного проекта усматривает причины распада СССР, кто-то расценивает позицию вождя как проявление «национал-либерализма». Один из современных исследователей и вовсе убежден в том, что из-за «возникшей в Закавказье государственности» Советской России пришлось создавать «не унитарную, а этнофедеральную систему в виде Союза ССР» [Гачечиладзе, 2012: 174]. По мнению А.И. Вдовина, И.В. Сталин не посчитал нужным противиться «национал-либерализму», поскольку не вполне устраивавший его ленинско-каменевский проект образования СССР не исключал установления отношений подчиненности окраин центру во всех главных вопросах [Вдовин, 2021: 33]. Что можно сказать с уверенностью, так это то, что позиция группы грузинских коммунистов серьезно повлияла на развитие событий, предшествовавших объединению республик.

21 ноября Комиссия Пленума ЦК РКП(б) подготовила документ «О порядке проведения вопроса об объединении советских республик в Союз республик». В.И. Ленин предлагал, чтобы в будущем союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т.д. [Азизбекова, 1962: 277].

27 ноября 1922 г. состоялось заседание Комиссии Заккрайкома, посвященное разработке Конституции ФСССРЗ. 13 декабря 1922 г. открылся I Закавказский съезд Советов в Баку. Его решением

¹⁷ Образование Союза Советских Социалистических Республик... С. 297–298.

ФСФСРЗ был преобразован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗФСФСР), т.е. превратился из федеративного союза республик в единую федеративную республику. Закавказский ЦИК и Совет народных комиссаров (его возглавил И.Д. Орахелашвили) утвердили Конституцию ЗФСФСР [На пути к «социалистическому унитаризму»..., 1992: 107]. Между форматами федеративного союза и федеративной республики имелись различия, но советские исследователи не акцентировали внимание на этом моменте.

I Съезд Советов СССР, открывшийся 30 декабря, принял Декларацию о создании Союза Советских Социалистических Республик и Союзный договор. В состав ЦИК СССР (371 член и 138 кандидатов) от ЗФСФСР вошли 26 человек (в том числе Ф.И. Махарадзе, П.Г. Мдивани, С.М. Киров, Н.Н. Нариманов, А.М. Назаретян и др.). Съезд постановил «ввиду чрезвычайной важности принятой Декларации и заключенного Договора» передать их на дополнительное рассмотрение ЦИКам республик¹⁸. Так завершился довольно непростой путь Южного Кавказа к консолидации в рамках первого в мире социалистического государства. Начинаясь не менее сложный процесс его осмысления, который также шел «по довольно извилистому пути: и вперед, и вспять, и в сторону» [Ненароков, 1988: 58].

Послесловие

Освещение сюжетов, связанных с предысторией и непосредственным провозглашением государства большевиков на руинах Российской империи, тщательно контролировалось советским партийным руководством, монополизировавшим право на интерпретацию событий прошлого, в особенности знаковых [Красовицкая, 2021: 281].

Процессы, происходившие на Южном Кавказе в 1918–1920 гг., освещались в работах советских историков односторонне, исключительно сквозь призму деятельности партии большевиков [Якубовская, 1962; Чугаев, 1962; Байбаков, 1997; Историография образования СССР., 1965]. Всем остальным политическим силам в регионе отводилась роль контрреволюционных элементов независимо от их действительных намерений и целей. Доминировавший в годы сталинизма вульгарно-социологический подход к освещению социальных, политических, этнических процессов, происходив-

¹⁸ Там же. С. 379.

ших в национальных регионах после революции и в первые годы советской власти, так и не был изжит в последующие периоды, что обернулось утверждением в советской исторической науке схематизированных, выхолощенных концепций, донельзя упрощавших реальную историческую картину.

В постсоветские годы исследователям в значительной степени удалось восстановить ход запутанных и противоречивых событий первых послереволюционных лет на Южном Кавказе. К сожалению, и здесь не обошлось без политизации исторического дискурса, но уже с уклоном в другую сторону. В частности, в грузинском научном сообществе оказался востребованным «антиколониальный» нарратив [Кирчанов, 2013: 117]. Нет нужды объяснять, сколь мало пользы объективному знанию приносит политизированный подход к событиям прошлого, задача которого сводится не столько к поиску истины, сколько к обслуживанию конъюнктурных политических интересов. При подобном подходе происходит ровно такое же упрощение причинно-следственных связей событий, каким грешила советская историография. К примеру, современные грузинские авторы говорят об «оккупационном режиме», установленном в результате интервенции Советской России в феврале–марте 1921 г. Более того, подчеркивая, что вхождение в СССР негативно повлияло на Грузию, они обвиняют Москву в намеренном обострении отношений между народами, проживавшими в республике [Кирчанов, 2010: 150]. Такой априорный посыл заведомо искажает весьма неоднозначную историческую картину: достаточно напомнить о далеко не политкорректном обращении грузинских властей с местными этническими меньшинствами (южными осетинами, абхазами и др.). К тому же вряд ли стоит сбрасывать со счетов вопрос о степени участия грузинских коммунистов и их сторонников в установлении того самого «оккупационного режима».

Советские историки представляли большевиков единственными выразителями народных интересов, что было несомненной натяжкой, но нельзя отрицать и тот факт, что сформированным по сомнительному этнонациональному принципу местным партиям так и не удалось завоевать широкую социальную поддержку. Как оказалось, традиционалистски настроенным закавказским массам больше пришлись по душе популистские и интернационалистские лозунги адептов мировой революции. Во всяком случае, о массовом сопротивлении закавказских народов большевикам говорить не

приходится. По этим и многим другим причинам попытки свалить всю вину за невзгоды коммунистического режима только на Москву и заодно предельно виктимизировать собственную национальную историю представляются по меньшей мере бесперспективными.

С этой точки зрения особенно важно попытаться взглянуть на рассматриваемые вопросы шире, вписав их в международно-политический контекст эпохи. В кратком и довольно поверхностном обзоре внешнеполитических событий, доступном в рамках журнальной статьи, невозможно полностью охватить этот контекст, характеризовавший международные отношения первых послереволюционных лет, тем не менее очевидно, что клубок противоречий, возникший между ведущими государствами по итогам Первой мировой войны, наряду с резонансом, вызванным Русской революцией 1917 г. и турецким национальным движением под началом М. Кемаля, крайне усложнил ситуацию на Южном Кавказе. Борьба мировых держав за сферы влияния затронула и закавказские республики, отразившись на развитии событий в каждой из них. Сведение всего этого запутанного узла разнонаправленных интересов к однозначно трактуемой «интервенции империалистических держав» (в отношении Южного Кавказа), как это порой преподносилось в советской историографии, опять-таки является упрощением. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что присутствие союзнических сил в регионе отнюдь не склонило местные народы в их сторону. Большевикам же, напротив, удалось обратить в свою пользу сложившийся в международной политике расклад. Заслуга современных исследователей состоит в попытках вернуть объективность в освещение внешнеполитической канвы закавказских событий.

Советскую версию объединительного движения сменили более беспристрастные и взвешенные интерпретации, иллюстрирующие борьбу мнений внутри руководства РКП(б) и в партийных верхах республик. При этом исследователи отнюдь не склонны отрицать наличие тенденций к объединению у народов бывшей Российской империи, спаянных общим историческим прошлым, тесными экономическими и культурными связями. Подобное переосмысление сути процессов, происходивших в закавказских республиках в первые послереволюционные годы, способствует более объективному представлению об их роли и степени участия в создании первого в мире социалистического государства — Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаян С.П. Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу советской власти. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1962.

2. Азизбекова П.А. В.И. Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане (1920–1923). М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

3. Алиева С.И. Национально-освободительное движение турецкого народа против французской оккупации Мараша в советской историографии // Современная научная мысль. 2020. № 3. С. 64–77.

4. Амбарцумян К.Р. Внешняя политика Советской России в связи с германским военным присутствием на Южном Кавказе в 1918 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 3. С. 8–15. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-8-15.

5. Амбарцумян К.Р. «Грузия нужна нам как временный буфер»: международные факторы большевистской советизации Южного Кавказа (1920–1921 годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 59. С. 86–105. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00006.

6. Амбарцумян К.Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920–1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 8–15.

7. Амбарцумян К.Р. Особенности современной историографии Большого Кавказа как объекта внешней политики большевиков // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 90–94. DOI: 10.18522/2072-0181-2017-89-1-90-95.

8. Амбарцумян К.Г. Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920–1921 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 119–132. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.9.

9. Амбарцумян К.Р. Участие России и Турции в политических процессах Южного Кавказа в 1918 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 166–176. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.14.

10. Архипова Е.В. Британский след на Южном Кавказе (1918–1919 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 216–223.

11. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

12. Багдасаров С.С. Партия большевиков — организатор Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 7–24.

13. Байбаков С.А. История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М.: Диалог-МГУ, 1997.

14. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: Проспект, 2021.

15. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Инфра-М; Весь мир, 1998.

16. Веселов В.И. Большевики в Азербайджане (конец апреля — начало июня 1920 года). М.: Родина, 2021.

17. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

18. Гачечиладзе Р. Конфликтогенность распада и реставрации империи: политико-географический подход (на примере бывшего российского Закавказья. 1917–1923 гг.) // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. Вып. 3. С. 160–174.

19. Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: Издательство ИТРК, 2007.

20. Гуковский А. Победа советской власти в Армении в 1920 году // Историк-марксист. 1940. Т. 11. С. 8–17.

21. Гулиев Дж.Б. Закавказская федерация — важный этап на пути к созданию СССР // Под ленинским знаменем социалистического интернационализма. Баку: Азернешр, 1972. С. 165–186.

22. Историография образования СССР. Очерки по историографии советского общества / Гл. ред. П.А. Жилин. М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1965.

23. Качарава Ю.М. Борьба коммунистов Грузии против национал-уклонизма и образование ЗСФСР // Труды Института истории. Тбилиси, 1955. С. 75–133.

24. Квашонкин А.В. Советизация Закавказья в переписке большевистского руководства. 1920–1922 гг. // *Cahiers du Monde Russe*. 1997. Vol. 38. No. 1–2. P. 163–194.

25. Кирчанов М.В. «Кавказское» и «российское» в современном грузинском национализме // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16. № 4. С. 116–125.

26. Кирчанов М.В. Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности. Между традициями политической нации и вызовами радикализации // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. Т. 13. № 3. С. 146–159.

27. Красовицкая Т.Ю. Образование СССР: историографический контекст // Пусть горит свеча. Памяти доктора исторических наук, профессора А.П. Ненарокова: Сборник статей и материалов / Отв. ред. В.В. Шелохаев, П.Ю. Савельев. М.: РОССПЭН, 2021. С. 279–303.

28. Мерквиладзе В.Н. Создание и укрепление советской государственности в Грузии (1921–1936). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969.

29. Мустафаева С. Советская Россия и формирование границ между государствами Кавказа (на примере Азербайджана и Армении) // *Кавказ и глобализация*. 2010. Т. 4. № 1–2. С. 230–240.

30. Муханов В.М. К истории советизации Закавказья (1920–1921) // Кавказский сборник / Под ред. В.В. Дегоева. 2014. № 8 (40). С. 171–228.

31. Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921). М.: Модест Колеров, 2019.

32. Муханов В.М. Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе // Международная аналитика. 2017. № 1. С. 89–98.

33. На пути к «социалистическому унитаризму» (из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) / Сост. В.А. Горин, А.Л. Ненароков, Н.Б. Орлова-Чернышёва // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–116.

34. Ненароков А.П. Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения // История СССР. 1988. № 6. С. 58–74.

35. Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М.: Захаров, 2005.

36. Рашковский Е.Б. «Кавказский меловой круг»: трагические судьбы региона // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 163–179.

37. Румянцев С. Советская национальная политика в Закавказье: конструирование национальных границ, историй и культур // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 47–65.

38. Сапаров А. Гражданская война в Закавказье 1918–1921 с точки зрения этнических, социальных и политических процессов // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 224–243. DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00060.

39. Тамазов И.С., Пазов И.С. Германия и образование независимой Грузии в 1918 году // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 229–240.

40. Хармандарян С.В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921–1923. Ереван: Айастан, 1969.

41. Чугаев Д.А. Образование Союза ССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6. С. 173–181.

42. Якубовская С.И. Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936. М.: Наука, 1972.

43. Якубовская С.И. Советская историография образования СССР // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 3–17.

44. Smith J. The Georgian affair of 1922 — Policy failure, personality clash or power struggle? // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 3. P. 519–544.

REFERENCES

1. Agayan S.P. 1962. *Velikii Oktyabr' i bor'ba trudyashchikhsya Armenii za pobedu sovetsoi vlasti* [The Great October and the struggle of the working people of Armenia for the victory of Soviet power]. Yerevan, Armenian SSR Academia of Science Publ. (In Russ.)

2. Azizbekova P.A. 1962. *V.I. Lenin i sotsialisticheskie preobrazovaniya v Azerbaidzhane (1920–1923)* [Vladimir Lenin and socialist transformations in Azerbaijan (1920–1923)]. Moscow, SSSR Academia of Science Publ. (In Russ.)

3. Alieva S.I. 2020. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie turetskogo naroda protiv frantsuzskoi okkupatsii Marasha v sovetskoj istoriografii [National liberation movement of Turkish people against French occupation of Marash in Soviet historiography]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 3, pp. 64–77. (In Russ.)

4. Ambartsumyan K.R. 2019a. Vneshnyaya politika Sovetskoj Rossii v svyazi s germanskim voennym prisutstviem na Yuzhnom Kavkaze v 1918 g [Foreign policy of the Soviet Russia in the context of military presence of Germany in the South Caucasus in 1918]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 8–15. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-8-15. (In Russ.)

5. Ambartsumyan K.R. 2019b. 'Gruziya nuzhna nam kak vremennyi bufer': mezhdunarodnye faktory bol'shevistskoj sovetizatsii Yuzhnogo Kavkaza (1920–1921 gody) ['We need Georgia as a temporary buffer': International factors in the Bolsheviks' sovietization of the South Caucasus (1920–1921)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 59, pp. 86–105. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00006. (In Russ.)

6. Ambartsumyan K.R. 2017a. Mesto Yuzhnogo Kavkaza v sovetsko-turetskom sblizhenii v 1920–1921 gg. [The South Caucasus in the context of Soviet-Turkish rapprochement in 1920–1921]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 8–15. (In Russ.)

7. Ambartsumyan K.R. 2017b. Osobennosti sovremennoy istoriografii Bol'shogo Kavkaza kak ob'ekta vneshnei politiki bol'shevikov [Special features of contemporary historiography of Greater Caucasus as an object of Bolsheviks foreign policy]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 1, pp. 90–94. DOI: 10.18522/2072-0181-2017-89-1-90-95. (In Russ.)

8. Ambartsumyan K.G. 2021. Politika otlozhennoj sovetizatsii: RSFSR i Gruziya v 1920–1921 godakh [Policy of postponed sovietization: Russian Soviet Federative Socialist Republic and Georgia in 1920–1921]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 26, no. 2, pp. 119–132. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.9. (In Russ.)

9. Ambartsumyan K.R. 2018. Uchastie Rossii i Turtsii v politicheskikh protsessakh Yuzhnogo Kavkaza v 1918 godu [Participation of Russia and Turkey in the political processes of the South Caucasus (1918)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 23, no. 2, pp. 166–176. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.14. (In Russ.)

10. Arkhipova E.V. 2016. Britanskii sled na Yuzhnom Kavkaze (1918–1919 gody) [British footprint in the South Caucasus (1918–1919)]. *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 216–223. (In Russ.)

11. Baberowski J. 2003. *Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus*. München, Deutsche Verlags-Anstalt [Russ. ed.: Baberovski I. 2010. *Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze*. Moscow, POSSPEN Publ.].

12. Bagdasarov S.S. 1952. *Partiya bol'shevikov — organizator Zakavkazskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki (ZSFSR)* [The Bolshevik Party as the organizer of the Transcaucasian Soviet Federative Socialist Republic (ZSFSR)]. *Voprosy istorii*, no. 8, pp. 7–24. (In Russ.)

13. Baibakov S.A. 1997. *Istoriya obrazovaniya SSSR: itogi i perspektivy izucheniya* [History of the formation of the USSR: Results and prospects of the study]. Moscow, Dialog-MGU Publ. (In Russ.)

14. Vdovin A.I. 2021. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy (1922–1991 gg.)* [USSR. History of a great power (1922–1991)]. Moscow, Prospect Publ. (In Russ.)

15. Werth N. 1992. *Histoire de l'Union Soviétique: De l'Empire russe à la Communauté des Etats indépendants (1900–1991)*. Paris, PUF [Russ. ed.: Vert N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991*. Moscow, Infra-M, Ves' mir].

16. Veselov V.I. 2021. *Bol'sheviki v Azerbajdzhane (konets aprelya — nachalo iyunya 1920 goda)* [Bolsheviks in Azerbaijan (late April — early June 1920)]. Moscow, Rodina Publ. (In Russ.)

17. Vishnevskii A.G. 1998. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and rouble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, OGI Publ. (In Russ.)

18. Gachechiladze R. 2012. *Konfliktogennost' raspada i restavratsii imperii: politiko-geograficheskii podkhod (na primere byvshego rossiiskogo Zakavkaz'ya. 1917–1923 gg.)* [The conflict-prone potential of the disintegration and restoration of empires: Political and geographic approach (a case of the Russian Transcaucasia, 1917–1923)]. *Kavkaz i globalizatsiya*, vol. 6, no. 3, pp. 160–174. (In Russ.)

19. Grosul V.Ya. 2007. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [The formation of USSR (1917–1924)]. Moscow, ITRK Publ. (In Russ.)

20. Gukovskii A. 1940. *Pobeda sovetskoi vlasti v Armenii v 1920 godu* [The victory of Soviet power in Armenia in 1920]. *Istoriik-marksist*, vol. 11, pp. 8–17. (In Russ.)

21. Guliev Dzh.B. 1972. *Zakavkazskaya federatsiya — vazhnyi etap na puti k sozdaniyu SSSR* [The Transcaucasian Federation is an important stage on the way to the formation of the USSR]. In: *Pod leninskim znamenem sotsialisticheskogo internatsionalizma* [Under the Lenin's banner of socialist internationalism]. Baku, Azerneshr Publ., pp. 165–186. (In Russ.)

22. Zhilin P.A. (ed.). 1965. *Istoriografiya obrazovaniya SSSR. Ocherki po istoriografii sovetskogo obshchestva* [Historiography of the formation of the USSR. Essays on the historiography of the Soviet society]. Moscow, Akademiya obshchestvennykh nauk pri TSK KPSS Publ. (In Russ.)

23. Kacharava Yu.M. 1955. *Bor'ba kommunistov Gruzii protiv natsional-uklonizma i obrazovanie ZSFSR* [The struggle of the communists of Georgia

against national deviationism and the formation of the TSFSR]. In: *Trudy Instituta istorii* [Proceedings of the Institute of History]. Tbilisi. (In Russ.)

24. Kvashonkin A.V. 1997. Sovetizatsiya Zakavkaz'ya v perepiske bol'shevistskogo rukovodstva. 1920–1922 gg. [Sovietization of Transcaucasia in the correspondence of the Bolshevik authorities (1920–1922)]. *Cahiers du Monde Russe*, vol. 38, no. 1-2, pp. 163–194. (In Russ.)

25. Kirchanov M.V. 2013. 'Kavkazskoe' i 'Rossiiskoe' v sovremennom gruzinskom natsionalizme [The Caucasian and the Russian in contemporary Georgian nationalism]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 16, no. 4, pp. 116–125. (In Russ.)

26. Kirchanov M.V. 2010. Osnovnye napravleniya razvitiya gruzinskogo natsionalizma v usloviyakh politicheskoi nestabil'nosti. Mezhdunarodnaya politicheskoi natsii i vyzovami radikalizatsii [The main development vectors of Georgian nationalism in the context of political instability between the traditions of the political nation and the challenges of radicalization]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 13, no. 3, pp. 146–159. (In Russ.)

27. Krasovitskaya T.Yu. 2021. Obrazovanie SSSR: istoriograficheskii kontekst [Formation of the USSR: Historiographical context]. In: Shelokhaev V.V., Savel'ev P.Yu. (eds.). *Pust' gorit svecha* [Let the candle burn]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 279–303. (In Russ.)

28. Merkviladze V.N. 1969. *Sozdanie i ukreplenie sovetской gosudarstvennosti v Gruzii (1921–1936)* [Establishing and strengthening of the Soviet statehood in Georgia (1921–1936)]. Tbilisi, Sabchota Sakartvelo Publ. (In Russ.)

29. Mustafaeva S. 2010. Sovetskaya Rossiya i formirovanie granits mezhdunarodnykh gosudarstvami Kavkaza (na primere Azerbaidzhana i Armenii) [Soviet Russia and the formation of borders between the Caucasian states (based on a case study of Azerbaijan and Armenia)]. *Kavkaz i globalizatsiya*, vol. 4, no. 1–2, pp. 230–240. (In Russ.)

30. Mukhanov V.M. 2014. K istorii sovetizatsii Zakavkaz'ya (1920–1921) [On the history of the sovietization of Transcaucasia (1920–1921)]. In: Degoev V.V. (ed.). *Kavkazskii sbornik*, vol. 8 (40), pp. 171–228. (In Russ.)

31. Mukhanov V.M. 2019. *Kavkaz v perelomnuyu epokhu (1917–1921)* [Caucasus at a turning point (1917–1921)]. Moscow, Modest Kolerov Publ. (In Russ.)

32. Mukhanov V.M. 2017. Sovetizatsiya Armenii v 1920 g. i Sergo Ordzhonikidze [Sovietization of Armenia in 1920 and Sergo Ordzhonikidze]. *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 1, pp. 89–98. (In Russ.)

33. Gorin V.A., Nenarokov A.L., Orlova-Chernysheva N.B. 1992. Na puti k 'sotsialisticheskomu unitarizmu' (iz novykh dokumentov 1922 g. po istorii obrazovaniya SSSR) [On the way to 'socialist unitarism' (on the basis of new documents on the history of the formation of the USSR from 1922)]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, pp. 89–116. (In Russ.)

34. Nenarokov A.P. 1988. Dogmaticheskaya kanonizatsiya stalinskikh podkhodov k resheniyu natsional'nogo voprosa i poteri sovetской istoriografii

ob"edinitel'nogo dvizheniya [Dogmatization of Stalin's approaches to the national question and the loss of Soviet historiography of the unification movement]. *Istoriya SSSR*, no. 6, pp. 58–74. (In Russ.)

35. Pipes R. 1990. *The Russian revolution* [Russ. ed.: Paips R. 2005. *Russkaya revolyutsiya*. Moscow, Zakharov Publ.].

36. Rashkovskii E.B. 2002. 'Kavkazskii melovoi krug': tragicheskie sud'by regiona ['The Caucasian chalk circle': The tragic fate of the region]. *Pro et Contra*, vol. 7, no. 3, pp. 163–179. (In Russ.)

37. Rumyantsev S. 2011. Sovetskaya natsional'naya politika v Zakavkaz'e: konstruirovaniye natsional'nykh granits, istorii i kul'tur [Soviet national policy in Transcaucasia: Construction of national borders, histories and cultures]. *Neprikosnovennyy zapas*, no. 4 (78), pp. 47–65. (In Russ.)

38. Saparov A. 2018. Grazhdanskaya voyna v Zakavkaz'e 1918–1921 s tochki zreniya etnicheskikh, sotsial'nykh i politicheskikh protsessov [Civil war in Transcaucasia 1918–1921 in terms of ethnic, social and political processes]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 224–243. DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00060. (In Russ.)

39. Tamazov I.S., Pazov I.S. 2016. Germaniya i obrazovanie nezavisimoi Gruzii v 1918 godu [Germany and formation of independent Georgia in 1918]. *Nauchnyi dialog*, no. 4 (52), pp. 229–240. (In Russ.)

40. Kharmandaryan S.V. 1969. *Lenin i stanovlenie Zakavkazskoi federatsii, 1921–1923* [Lenin and formation of the Transcaucasian Federation, 1921–1923]. Yerevan, Aiastan Publ. (In Russ.)

41. Chugaev D.A. 1962. Obrazovanie Soyuza SSR (istoriograficheskii obzor) [Formation of the USSR (historiographic review)]. *Voprosy istorii KPSS*, no. 6, pp. 173–181. (In Russ.)

42. Yakubovskaya S.I. 1972. *Razvitie SSSR kak soyuznogo gosudarstva. 1922–1936* [The development of the USSR as a union state. 1922–1936]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

43. Yakubovskaya S.I. 1962. Sovetskaya istoriografiya obrazovaniya SSSR [Soviet historiography on formation of the USSR]. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 3–17. (In Russ.)

44. Smith J. 1998. The Georgian affair of 1922 — Policy failure, personality clash or power struggle? *Europe-Asia Studies*, vol. 50, no. 3, pp. 519–544.

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 01.01.2022; принята к публикации 13.11.2022

The paper was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 13.11.2022